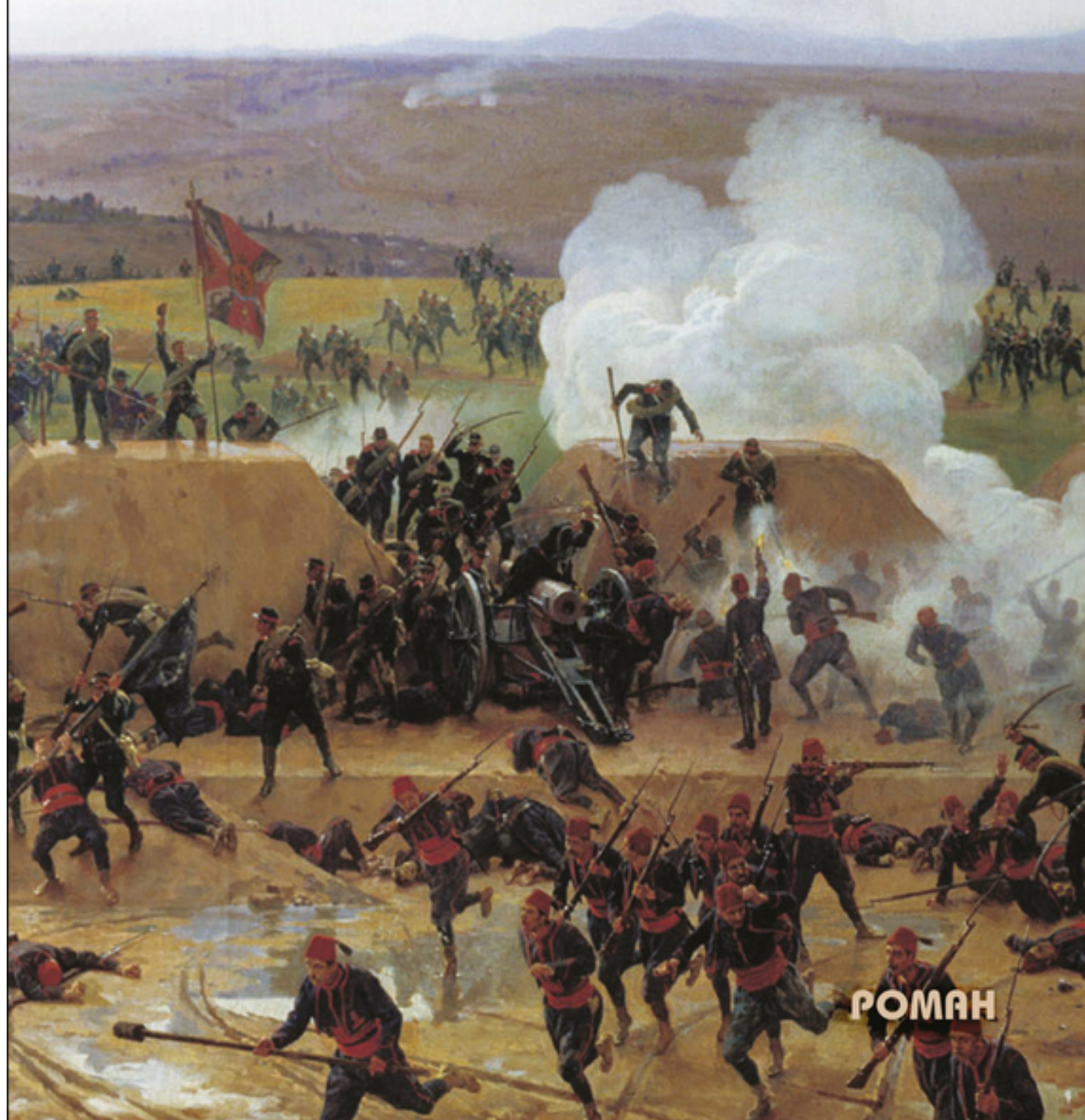

ВЛАДИМИР КОЛОМИЕЦ

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Вспомним, братцы, про былое

РОМАН

Владимир Коломиец

Терское казачество.
Вспомним, братцы, про былое

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2009

УДК 82.32
ББК 84 (2 Рос)6

Коломиец В.

Терское казачество. Вспомним, братцы, про былое /
В. Коломиец — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2009

ISBN 978-5-903463-20-6

История казачества на Тереке ведется с XIV века. Со времен Ивана Грозного терские казаки верой и правдой служили России. По ряду причин славная казачья история на Кавказе мало известна широкой аудитории. Автор восполняет этот пробел книгой в жанре увлекательного художественного романа. Отечественная война с французами 1812 года, кавказская война с Шамилем, турецкие и Крымские войны, балканская кампания – эпическая линия повествования охватывает все основные вехи славной истории терского казачьего войска.

УДК 82.32
ББК 84 (2 Рос)6

ISBN 978-5-903463-20-6

© Коломиец В., 2009
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2009

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	19
Глава V	22
Глава VI	24
Глава VII	27
Глава VIII	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Коломиец

Терское казачество.

Вспомним, братцы, про былое

...Весьма от давних лет по Тереку реки жительство свое имеем, а каким случаем, по указу иль без указу, при котором государе сначала поселились, того за давностью сказать не можем...

(Из разговора гребенских казаков)

Укрепление – это камень, брошенный в поле, дождь и ветер снесут его; а станица – это растение, которое врастает в землю корнями и понемногу застилает и охватывает поле...

(Из разговора горцев)

Вместо предисловия

Терские казаки... терцы!

Кто вы? Что за люди, сделавшие так много для России и оставившие такой заметный след в ее истории?

Согласно историческим сведениям первоначально в слово «казак» вкладывался социальный смысл: человек, по злой необходимости отделившийся от своего рода-племени, лишившийся своего скота, кочевой и потому ставший бродягой, скитальцем. От тюркского: бездомный, изгой, вольный человек. Уже в раннем Средневековье это название, не имея еще этнического наполнения, было поистине международным.

В «Словаре географическом Российского государства» (XVIII–XIX вв.) недвусмысленно подчеркивается преемственность этого социального явления на Руси: «Пока татары южными Российского государства странами владели, о российских казаках ничего слышно не было. Они начались уже по истреблении татарского владения в тех же местах, которые татарам подвластны были: ибо, как между татарами находились казаки, но и русские, заняв их жилища и приняв их обычаи, казаками были прозваны». И далее здесь же: «Везде появились казаки, и название сие сделалось общим всем конным войскам, легковооруженным, из платы служащим».

Историки терского казачества считают, что первыми поселенцами на Терек были новгородские ушкуйники и рязанские казаки. Сначала в XIV в. появились новгородские ушкуйники – вольные дружины, которые, совершая походы на лодках (ушкуях), через Хвольнское (Каспийское) море проникали в устье Терека и поднимались вверх. Женились они на женщинах из местных обитателей Кавказа и селились у «гребней» гор, при впадении Аргуна в Сунжу. В первой четверти XVI века через Дон и Волгу на Терек устремились рязанские казаки. После того как в 1520 г. рязанский удел отошел к Москве, «молодеческая» часть рязанского казачества, служившая там в качестве порубежной стражи, привыкшая к свободе и своеволию, поднялась с места и ушла на далекий Терек, к недостижимому в то время для Москвы подножию Кавказского хребта, и поселилась там. Переселение казаков на Терек не оспаривалось ни кумыками, ни кабардинцами. Более того, прибывшей вольнице были предложены места по предгорьям. Казакам местность понравилась, рядом с рекой – лес, дальние гребни гор, и у подножья – ровные поляны, травы в пояс. Коси сено, паси скот, паши землю, сей хлеб. И безопасно – никакая царская погоня не достигнет.

Однако это укрывательство продолжалось недолго. Местное население очень страдало от посягательств на земли Кавказа со стороны крымских ханов и турецких султанов. Казаки не раз помогали соседям обороняться, но силы были неравны. Крымский хан и турецкий султан заставляли покориться Большую Кабарду, а Малой грозил Шамхал Тарковский. Казаки, видимо, и намекнули горским князьям попросить помощи у московского государя Иоанна Васильевича.

Первое посольство черкесских князей прибыло в Москву в 1552 г.

В 1555 г. в Москву отправилось посольство кабардинских князей. Существует предание, что с этим посольством в Москву прибыла и «станция» гребенских казаков, которых Иоанн принял милостиво, пожаловал «рекою вольною Терекон, от самого гребня до синя моря Каспийского», велел им служить там свою службу государственную, беречь новую свою кабардинскую вотчину.

В 1557 г. в Москву прибыло посольство от старшего, наиболее влиятельного и почитаемого кабардинского князя Темрюка Идаровича с просьбой, «чтобы их государь пожаловал, велел им себе служить и в холопстве учинил». Просьба эта была уважена и закреплена в 1561 г. браком Ивана IV с дочерью Темрюка – Кученей, принявшей после крещения имя Мария.

В 1559 г. на Тереке появляются первые царские войска для защиты кабардинцев от Шамхала Тарковского. В 1563 г. в помощь царскому тестю Темрюку Идаровичу посылаются из Астрахани 500 стрельцов и 500 казаков и воевода Плещеев строит в Кабарде первый полурусский-полукабардинский город на правом берегу Терека, возможно, в Нижнем Джулате, на высоком мысу отрога Кабардинского хребта, возвышающемся над Терекон напротив бывшей станицы Пришибской (ныне г. Майский, КБР). В устье Сунжи строится военный город – Терка, который по требованию Турции в 1571 г. был оставлен. В 1577 г. там же, на Сунже, но в другом месте была построена вторая Терка. Турецкий султан потребовал оставить и ее, но она пустовать не стала. Ее заняли казаки Вольного Терского казачества. Этот год и стал официальным в рождении Терского казачьего войска.

Прибывали сюда и казаки поволжские. Попав в опалу и не желая терять свои вольности, они разбежались со своих мест. Существует предание о Ермаке: он ушел на север к Строгановым, одни ушли на Яик, а большинство – на Терек. XVII в. в истории края ознаменовался значительным притоком в терские станицы беглых крестьян из России. Бежали сюда, как в безопасное убежище, и представители кавказских народов – те, кому было тесно на родине, кого преследовали сами общества. «Все это были люди того же пошиба, что и русские вольные казаки», и поэтому последние легко с ними дружились и уживались.

Контактность казаков-терцев с местными северокавказскими народами сказалась как на антропологическом своеобразии и облике казачества, так и в характере материальной и духовной культуры населения казачьих районов. Влияние местных обычаев отразилось в убранстве дома, одежде, украшениях, некоторых бытовых традициях; куначество, свадебные обряды... Различное влияние на казаков прослеживается в области военного искусства: вооружении, военной тактики и стратегии, организации войска.

На первых порах для казачества большое значение имело государево жалованье, но с возрастанием роли земледелия росло значение земельных наделов, которые правительство жаловало казакам за военную службу. Рядом жалованных грамот правительства, особенно грамотой 1793 г., государство, выступившее верховным собственником земель страны, передавало земли казачьих общин им же в вечное пользование: казачьи общества или войска передавали землю в такое же пользование казачьим станицам, от которых уже казаки получали ее по паям. Так вместо денежных налогов за землю казаки начинают платить натуральный налог путем отбывания воинской службы со своим конем, оружием, амуницией. Казаки участвовали во всех войнах, которые вела Россия, и с честью исполняли свой долг защитников Отечества.

Часть первая

Глава I

Весна в тот год была ранняя. Уже в начале марта заметно пригрело и повеяло теплом. Вышло в полной своей красе сияющее солнце, и оставшийся местами снег стал рушиться и таять в его лучах, как сахар в кипятке.

Терек, всю зиму дремавший подо льдом, вдруг проснулся и шевельнулся с глухим ворчанием. Ровный, гладкий лед пронизали зигзаги темных трещин. Сверху, от истоков, побежала стремительно талая вода и, пробудив дремавшие силы реки, струнула из омутов рыбу.

Все пробудилось в природе при первом горячем дыхании весны. Беспокойно замычали коровы, забились в стойлах кони. Галки торопливо стали вить гнезда, собирая на дорогах клочья шерсти. Воробьи, вылетающие из-под стрех, звенели как тысячи бубенчиков, словно подлаживаясь к весеннему звону, несущемуся из кузни, где спешно ремонтировался сельскохозяйственный инвентарь. С каждым днем звон этот, с приходом весны и тепла, становился громче и веселее. Но не все было так спокойно в станице. С тревогой прислушивались казаки к могучему дыханию реки, к глухим громовым раскатам трескающегося льда. Если детвора наслаждалась видом ледохода, то старики, поглаживая бороды и прикладывая руки к глазам, по старинным приметам старались угадать, как поведет себя река. А Терек так и рвался из-под льда, стараясь оторвать его от берегов. И у всех была одна и та же мысль: «скорее бы сошел лед, и не наделала бед река, как бывало в прежние годы – хлынет буйным набегом в станицу, и радуйся». В один из таких дней по дороге, ведущей из Екатериноградской, люди заметили силуэты. Не то грачи или вороны прыгали по колеям, не то лошади обходят ямы и промоины. В солнечном мареве не поймешь. Как мираж. Ребяшня побежала на курган, откуда лучше просматривалась дорога, а остальные продолжали гадать, стоя на месте. И вдруг из чьих-то уст вырывается: «Оказия»¹. Все бы ничего. Оказии в станицы приходят каждую неделю, но сегодня ее никак не должно быть. Послали с сообщением к атаману.

В станице наметилось оживление. По улицам, то в одну сторону, то в другую, поскакали вестовые. У калиток стали собираться казаки и казачки, обсуждая, что за причина неурочного приезда оказии. Всех интересовал вопрос: кто же в ней едет? А потому, если взрослые, стоя в сторонке, наблюдали за происходящим у правления, то ребяшня теснилась уже под самыми окнами атаманской канцелярии. Здесь в просторной комнате находился сам атаман Федор Иванович Кульбака, писарь Илья Олифиренко и несколько стариков-станичников. Писарь часто поглядывал в окно и сообщал атаману, что делается за двором. Атаман вел мирную беседу со стариками.

– Что-то оказия нынче не в срок? – спрашивали казаки один у другого.

– Да там, говорят, не оказия, а небольшой отряд, наши их уже встретили, – сообщил атаман.

– К чему бы это? – спросил писарь.

– Наверное, депеша², а может, еще что, – ответил спокойно атаман.

Вдали улицы показалась крытая коляска в сопровождении двух десятков казаков.

– Едут! – объявил писарь, выглянув очередной раз в окно.

Все настожились. Разговор прекратился.

---

¹ Оказия – охраняемый караван.

² Депеша – сообщение.

– Сейчас узнаем, что за причина, – сказал атаман и вышел из комнаты. В это время коляска остановилась у крыльца и из нее вышли двое офицеров. Младший, лет двадцати пяти, окинув взглядом вышедших и определив старшего, улыбаясь сказал:

– Здравствуйте, господа! Разрешите представиться: ротмистр Говорков – адъютант его превосходительства князя Воронцова. Генерал заночует в Екатериноградской, а завтра будет проезжать здесь. Примите соответствующие меры, – и он передал атаману запечатанный пакет.

Его открытое веселое лицо, любезность и простота обхождения понравились казакам.

– Разрешите представить моего спутника. Это офицер Его Величества Конвоя, – и он назвал фамилию, – знакомьтесь. Он везет списки отобранных им казаков в Конвой, наказному атаману.

Казачий офицер тоже понравился и атаману, и вышедшим с ним старикам. Лицо его было ни молодым, ни старым. Это было лицо много повидавшего в жизни, решительного и доброго человека. Оно не отображало ни жестокости, ни властолюбия, ни стремления полюбоваться собою или тем более намеренной иронией отнестись к встречавшим. Копна густых волос с редкими проблесками седины возвышалась над высоким лбом, еще совершенно свободным от морщин и складок. Серые с синевой глаза смотрели пытливо и прямо, губы были поджаты, отчего все лицо казалось несколько строгим.

Атаман пригласил всех в дом, где уже готовилось угощение.

– А это с дороги, – подал он гостям по бокалу вина.

– Не откажусь, – просто ответил адъютант. – О кавказском вине мне уже известно. – И он, не отрываясь, выпил весь бокал. Выпил и его спутник. После этого атаман объявил:

– Прошу за стол.

– Разрешите, я распоряжусь казакам, – обратился адъютант к атаману и, сделав необходимые распоряжения, вернулся в дом.

А казачата в это время все ближе теснились к дому, чтобы увидеть происходящее и услышать, о чем будут разговаривать в атаманском доме.

– Брысь отседова, – отгоняли их незлобно казаки-охранники, стоявшие у крыльца. Но те и не думали уходить.

– А кто это приехал? – спрашивали они.

– Кто кто? – дома батяно расскажет, марш по домам.

А прибывшие с депешей казаки рассказывали на улице, что и в Георгиевск, и в Екатериноградскую прибывают офицеры-интенданты. Говорят, будут заготавливать сено, лошадей, сбрую. В связи с чем это, никто не знал, хотя понимали, что это неспроста. Вскоре по станции разнеслось, что завтра здесь будет проезжать наместник Кавказа князь Воронцов.

Михаил Семенович Воронцов был генералом Отечественной войны 1812 года. Это его гренадерская дивизия подверглась интенсивной атаке французов у Бородино. Гренадеры Воронцова ударяли в штыки, опрокидывая наступающие колонны. Воронцов сам водил их в эти кровавые схватки и возвращался с ними на место, не выпуская шпаги из рук и не переставая улыбаться. Атаками командовал сам Даву. При втором или третьем натиске французам удалось было вскочить в левую флешь. Но это был только момент. Сверкнули штыки. Лошадь Даву грянулась оземь, и маршала вынесли из свалки на плаще. Французы откатились. Потом замелькали другие генералы – Компан, Дессе, Ранн. Они сменяли друг друга, обливаясь кровью. Наконец, унесли Ранна, высокого и черного, нещадно ругавшего свою двадцать вторую рану. Воронцов огляделся. Боже, как мало осталось у него гренадеров. Сердце его сжалось. Между тем огромные французские колонны катились на них, как морской прибой. Свинцовый вихрь вырвался из волн атаки и ударил по флешам. Ряды воронцовских гренадеров еще более поредели. Солдаты дрогнули и, сбиваясь тесными кучками, пошли в отход. Воронцов крикнул остаткам какого-то батальона, еще державшего строй и равнение:

– За мной! В штыки! Смотрите, братцы, как умирают генералы!

Удар в бедро опрокинул его наземь. Он хотел взмахнуть шпагой, но клинок лязгнул под картечной пулей, и половины его как не бывало. Однако рука Воронцова не выпустила куска изуродованной стали даже и тогда, когда солдаты усадили его на скрещенные ложа четырех ружей и бегом потащили с флешей. Даже когда его поднесли к Багратиону, он все еще сжимал этот обломок в опущенной книзу руке. Бледное лицо его было обрызгано кровью, но он улыбался.

– Куда угораздило тебя, душа-граф? – спросил Багратион.

– В ляжку, ваше сиятельство.

– А дивизия твоя?

Воронцов показал сломанной шпагой на землю.

В 1815–1818 гг. Воронцов командовал русским оккупационным корпусом во Франции. Был близок к деятелям преддекабристских организаций. В 1820 г. вместе с Н. И. Тургеневым пытался основать дворянское общество для постепенного освобождения крестьян. В 1828—44 гг. он был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. В 1844 г. назначен наместником на Кавказе и главнокомандующим отдельным кавказским корпусом. Несмотря на то, что Воронцов был угодливым царедворцем и тщеславным карьеристом, ум, образование, известный либерализм выделяли его из рядов царских администраторов.

Но вернемся в станицу. Как только стало известно о приезде наместника, стали передаваться разные толки. Одни говорили, что он едет в Тифлис в связи с какими-то событиями, другие – что он едет сдавать дела. И хотя простому казачьему населению было все равно, по какому поводу едет Воронцов, любопытство брало верх.

На следующий день станица встречала кортеж князя Воронцова. Казаки поднесли наместнику хлеб-соль на серебряном блюде, в церкви Михаила Архистратига был отслужен молебен, где церковный хор с упоением пел «Спаси, Господи, люди твоя» и «Многая лета». А на выходе из церкви выстроенные как на строевом смотре казаки исполнили свою любимую:

*Всадники-друзи, в поход собирайтесь,
Радостный звук вас ко славе зовет!
С бодрым духом храбро сражайтесь!
За царя и Россию смело в бой вперед!*

Каждый в это время думал о своем. О своем думал и Воронцов. Он ехал, чтобы подготовить вверенные ему войска и область к возможной войне. Генерал знал, что царь и двор не простят ему, если он по усталости или еще по каким причинам не сделает срочных распоряжений, как здесь, на Северном Кавказе, так и в Тифлисе. И не дай Бог сделать какую-либо ошибку в своих действиях. Там ошибок не любят...

– Что я имею здесь на случай войны? – промелькнуло в голове. Конечно, сил было явно недостаточно. Но этот бодрый, самоуверенный настрой казаков, а затем беседа с казачьим старшиной на время вернули его в прошлое.

Вспомнил Воронцов весну 1845 года, когда он прибыл на Кавказ командующим отдельным кавказским корпусом и наместником на Кавказе. Вовсю шла Кавказская война. Тогда он застал уже конец приготовлений второй экспедиции в Дарго, укрепленную резиденцию Шамиля. Первая экспедиция, предпринятая в 1842 г. генералом Граббе, была направлена от Герзель-аула по долине реки Аксай через непроходимые леса Ичкерии и потерпела полную неудачу. Новая экспедиция предложена была по другому направлению: в обход через Андийский хребет.

Преодолевая необыкновенные трудности пути в горных тущобах, покрытых дремучими лесами, ведя непрерывные бои с упорным и отчаянным противником, войска, руководимые

самим Воронцовым, подошли в июле к Дарго и взяли его с боем. Однако Шамиль успел ускользнуть.

– Я все равно его догоню, – сказал тогда Воронцов, и началась погоня. Кругом поднимались утесы. Внизу, сдавленная склонами, билась о камни Койсу, взметая белые пенящиеся брызги. Грохот заполнял ущелье. Узкая дорога, больше похожая на вычную тропу, шла над бездной, и идти становилось все труднее. Шедшая впереди казачья разведывательная группа остановилась.

– Спешиться, – подал команду есаул, и казаки медленно слезли с коней.

Дальше двинулись, держа лошадей в поводу, но дорога становилась все хуже и хуже. Пришлось опять остановиться.

– Тут недолго переломать ноги не только лошадям, но и себе, – слышалось в колонне.

– Была бы польза, – раздавалось в ответ.

– Да уж на этот раз Шамилю не уйти от нас, – поговаривали казаки, раскуривая свои трубки.

– Верно гутарите, казаки, – ободряюще поддержал разговор подошедший есаул. – На этот раз мы непременно доберемся до его логова.

Вынужденная остановка произвела в колонне замешательство.

– Почему остановились? – спросил подъехавший к казакам полковник Радецкий и, увидев причину, замолк.

Узкая дорога, по которой двигался отряд, оборвалась.

– Не иначе дождем размыло, – сказал полковник, но подъехавший Воронцов заметил:

– Да нет. Это похоже на подрыв. Не иначе Шамиль за собой следы замечает.

Казаки и солдаты молча смотрели на генерала. А он спросил:

– Так что будем делать? – И словно убеждая себя в том, что это препятствие им не взять, он еще раз заглянул в обрыв.

– Ничего не поделаешь! Придется возвращаться назад, – с грустью заметил он Радецкому.

– Как же так, ваше высокоблагородие? – нарушая субординацию, вдруг сказал казак, стоящий неподалеку. – Возвращаться теперь нам никак нельзя.

– А что же делать? – заинтересованно спросил Воронцов, поглядывая то на Радецкого, то на казака. А тот уже продолжал:

– Это самое узкое место у реки, и его надо использовать.

– Как?

– Мы спустимся вниз, переберемся через реку, закрепим там канат, а второй конец передадим вам. По нему и будем переправляться.

Только начали смельчаки спускаться к реке, как с противоположной стороны раздались выстрелы.

– Ваше высочество, зайдите за выступ, – закрывая Воронцова, сказал есаул и тут же был ранен в руку.

– Это Шамиль оставил засаду, – сказал Радецкий и увел Воронцова в укрытие.

Солдаты дали ружейный залп. Затем несколько залпов дала легкая пушка, которую везли с собой казаки, и стрельба с противоположной стороны прекратилась. Разведчики переплыли бурный горный поток. Им передали бечеву, потом канат, который они закрепили на противоположном берегу. По канату и переправились люди через реку. Однако Шамиля и в этот раз не удалось догнать.

После сытного обеда, в хорошем расположении духа, Воронцов интересовался у стариков делами казачьих станиц. Заметив за столом молодого красавца-казака, спросил:

– Чей это молодец?

– Мой сын, Григорий, – просто, но с достоинством ответил атаман, степенно поглаживая свою черную с проседью бороду.

– Похвально, похвально! А я только что вспомнил нашу первую встречу, – сказал он атаману. – Спасибо, защитил тогда старика.

– Да неужто вспомнили, ваше высокопревосходительство, – растроганно спросил атаман. – Вы еще тогда мне медаль выхлопотали.

– Вспомнил, вспомнил! А ты еще молодцом. Не трудно в седле сидеть? – спросил он, улыбаясь.

– Да нет, атаман еще бодрый. И казаков молодых учит, как надо, – вступил в разговор адъютант.

Улыбаясь, генерал откинулся в кресле, с облегчением избавляясь от согнутого положения туловища, стеснявшего заметный живот. Образовавшаяся пауза вновь вернула его к предыдущим мыслям.

– Что же предпринять нам для скорейшего замирения Кавказа? – спрашивал Воронцов. – Почему горцы идут за Шамилем? Страх, а еще что? – И, не получив ответа, сам ответил:

– Да запоздали мы со всем этим. – И отдал распоряжение приготовиться к движению.

Вскоре на дворе раздалась команда:

– Бить в барабан! – то есть трогаться, и огромная кавалькада, окружающая наместника, тронулась в путь – на Владикавказ.

– Песельники, вперед! – скомандовал Воронцов и, обгоняя охранявшие его войска, вырвался на своей карете в голову команды.

И над строем разнеслась песня:

*Вспомним, братцы, про былое,
Что, как сладкий сон, прошло,
Жизнь – раздолье удалое,
Наше время золото!*

Под звуки старой казачьей песни, под гудение духовых инструментов и барабанов генерал вновь ушел в воспоминания: «На Кавказе столько дел! А на пороге – новая война!».

День выдался теплым. На далеком небосклоне кучились облака, порой начинали темнеть и забираться ввысь, суля грозу или дождь, но скоро светлели и расплывались, истаивая в пылающем небе.

Уже прошли казачьи сотни, потянулись телеги, четко промаршировали егеря, а жители станицы все еще стояли у южных ворот, глядя вслед уходящей из станицы колонне.

Глава II

Вернувшийся из Владикавказа атаман тотчас позвал к себе сыновей:

– Гриша! – сказал он старшему, – поедешь служить в Конвой Его Императорского Величества. Списки наказной атаман утвердил. Сам офицер Конвоя о тебе сказал: «Хлопец красивый, здоровый и нравственности хорошей». Так что готовься.

Братья молчали. Старший от неожиданной вести не мог произнести слова, а младший с гордостью смотрел на него и не смел нарушить молчания.

– А ты, Егор, поступаешь в распоряжение наказного, – продолжил отец. – К осени формируют отряд в Крымскую армию, предупредили – быть наготове. – И снова молчание.

– Теперь лошадь надо покупать новую? – спросил Григорий, выходя из оцепенения.

– А как же, купим какую требуется, – ответил отец.

Казачи знали, что для службы в Конвое необходим годный к строевой службе конь, определенной масти и роста, седло и весь конский убор кавказского, существующего в Конвое, образца. Кроме того, при зачислении в Конвой казак должен иметь в полной исправности черкеску, бешмет, шаровары, башлык, бурку и черную папаху, три пары белья, сапоги, чувяки с ноговицами и бурочные чулки, а также исправную шашку с портупеей и кинжал с поясом.

– Когда собираться? – спросил Григорий.

– Как обычно, в мае, – ответил отец и повел разговор уже как начальник, знающий каждую минуту, под кем он стоит и кто под ним.

– Вот, – вынул он лист с приказом, – завтра объявлю в станице, кому собираться.

За сыновей атаман был спокоен. Службу они познали сполна. Григорий проходил службу на Камбилеевке и близ Грозного, бывал и в стычках. Да и Егор не новичок в службе, хотя и младший: «Гоняли здорово, чего говорить, – думал атаман, – мало кто оставался небитым, но школу оба прошли отменную. Правда, Григорий теперь женатый», – сочувственно промелькнула мысль, но он ее отбросил.

– Сейчас чего не служить? – обращается он к обоим и начинает вспоминать о своей службе в войне с Персией и в Русско-турецкую войну.

– Три года в походах и боях. В двадцать три года получил орден Св. Георгия и увенчал свои подвиги офицерским званием.

– Никогда не забуду, – он облизнул сухие губы и подергал ус, – после Конвоя, когда уже начальствовал, в станице молились за меня, чтобы вернулся живым из стычек с горцами. Ох, и лихое было время!

Григорий и Егор слушали отца с оживленным интересом. Кое-что они слышали и раньше, но от услышанного как-то немножко похолодели и даже оглянулись вокруг.

Персия, Карс, война с турками – как это героически далеко, а тот, кто тогда мерз, стрелял, получал награды, сидит рядом и рассказывает:

– Вот из этого дома я, в свое время, уезжал в Конвой, – обняв за плечи сыновей, продолжал атаман. – Казачи-конвойцы – это телохранители. Изю дня в день они при царе и его августейшем семействе. Это высочайшие выходы по случаю Нового года, крещенского водосвятия, пасхальной заутрени, дней рождений, бракосочетаний, это встречи и проводы иностранных гостей и прочее. То надо проводить кого-то из близких до границы, то великокняжеский выезд в театр.

Глаза отца искрились. Вспоминал ли он взятие Карса, выезды казачьего Конвоя или великосветские парады под Петербургом, в нем ощущался казак, на первом месте у которого в торжестве дисциплина и верность присяге.

– Казачи-конвойцы – это не блестящие кавалергарды на гнедых конях, не золотистые кирасиры и уланы. Терцы в черкесках из фабричного сукна, без гусарских ментиков на дорогом

меху, в папахх вместо черных доломанов напоминают царю, более чем кто-либо из окружающих, народ, от которого он отгорожен дворцами и охраной. И казаки всегда у него за спиной.

– Скажу тебе, Гриша, царь был милостив к казакам. Помню, однажды он говорил: «Помните, казаки, за Богом – молитва, а за царем – служба, и служба эта не пропадет. Если с кем что случится и нужна моя помощь – обращайтесь!» Конечно, я не помню, чтобы кто-то к нему обращался, но, видно Богу угодно, чтобы кто-то из моих сыновей пошел по моим стопам, – ласково сказал отец. – Ты не знаешь, сынок, как будет успокоена моя старость тем, что ты отслужишь в Конвое.

Вера отца в царское обещание была столь великодушна, что сыновья даже залюбовались им, и каждый про себя подумал: «Дай Бог, чтобы такие старики были долговечны на земле».

– Батя, а не тяжело тебе быть атаманом? – спросил Григорий, чтобы перевести разговор.

– Сам побудешь, испытаешь, тогда и узнаешь, – не задумываясь, ответил отец.

А сыновья, глядя на его седеющую голову, продолжали размышлять: «Кому понять тоску старого казака, когда он готовит к проводам сыновей. Вот заскорбела душа и выплеснулось. Недаром же сказано в писаниях: "и всходит утро, и гаснет заря;...взверзи на Господа печаль свою"».

– Не думайте, что все это легко, – сказал атаман и снова обнял сыновей.

В хату вошли жена атамана и невестка.

– Будем готовить казаков в путь-дорогу, – сообщил он им новость. А пока те приходили в себя, продолжил:

– На следующей неделе, в четверг³, поедем в Прохладную, покупать Григорию коня!

В Прохладную атаман с сыновьями выехал ранним утром. На севере косо висела Большая Медведица, а вокруг еще лежала черная густая мгла. Миновав Куян, так казаки называли северную сторону станицы, они выехали на страшноватый ночным видением Терек. Река дугой подпирала пришибские кручи, показывая свои неистовые силы и скрывая где-то на глубине казачьи тайны. «Да, сколько тайн знает река?» – подумал атаман и стал вспоминать, как они с Настей после захвата абреками бежали из Малой Кабарды, переправившись через Терек. «Кто сейчас знает, как они попали в станицу? – подумал он, и сам же себе ответил, – только Терек».

Было прохладно. Лошади негромко шлепали копытами по увлажненной пыли. Попыхивая самокруткой, атаман продолжал вспоминать: «Сколько пришлось выезжать в такую рань». Вспомнились почему-то долгие ночи у костра и неприветливый ночлег: вместо подушки седло, пропахшее лошадиным потом, вместо одеяла – бурка.

Ехали шагом. Когда подъехали к Малке, засерел бледный дрожащий рассвет. Переезжали реку вброд. Внизу под ногами лошадей поблескивала прозрачная вода. Григорий и Егор даже стали различать белые камни на дне.

Когда выбрались на берег, их взору предстала станица и бескрайняя, впереди, степь. На огромной поляне, вытопанной лошадьми, раскинулась своего рода ярмарка. Товар – только кони. Сюда съехались торговцы из Большой и Малой Кабарды, из Моздока. Были здесь грузинские и армянские скупщики, казаки, солдаты и цыгане. Повсюду разносился говор, смех, забористые шутки.

– Берите! Чистых кровей лошадь. Настоящая кабардинка, – предлагал владелец, когда атаман с сыновьями стали разглядывать одну из них.

– Хороша лошадка, – подтвердил атаман, обращаясь к Григорию.

– Не краденая, клянусь! У самого начальника округа такой нет, – продолжал хвалить владелец.

– Поедем дальше, посмотрим еще, – трогаясь, сказал атаман.

Как только они двинулись дальше, их окликнули:

---

³ Раньше базары проводили среди недели. – Прим. авт.

– Федор, салам алейкум! – поприветствовал его стоящий неподалеку горец. – Не иначе, приехал выбирать коня?

– Алейкум салам, Джамбот! – ответил на приветствие атаман и спешился. Они обнялись, как старые кунаки, обменялись новостями.

– Вот, готовлю сына на службу, – показал он на Григория, – конь нужен.

– А это младший? – показал горец на Егора. – Да.

– Хороши джигиты, – удовлетворенно высказался кунак, пожав обоим руки и похлопав по плечу.

– Хороший конь нужен?

– В столицу служить еду, какой попало не пойдет, – ответил Григорий.

– Ту видишь? – показывая на одну из лошадей, сказал кунак.

– Которую, что в середке? – переспросил Григорий, – вороная?

– Да, да! Хороший конь, бери!

Кунак говорил правду. Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы по достоинству оценить лошадь. Но они еще раз внимательно осмотрели ее, спросили о цене и, подтвердившись мыслью, что она действительно стоит этих денег, решили – брать.

Собралась толпа.

– Добрый конь, – похвалил усатый казак.

Вороной между тем перебирал ногами, словно танцуя, подразнивал покупателей.

– Да ты попробуй ее в седле, – посоветовали в толпе, и Григорий подошел к коню. Вороной был оседлан, но только Григорий протянул к нему руку, он, играючи, взбрыкнул задними ногами и обдал того комьями липкой глины, полетевшей от копыт. Вокруг захохотали.

– Это тебе не на кляче дрова возить, – сказал кто-то, и опять смех.

У Григория даже шея покраснела от стыда и обиды. Но отец подбодрил:

– Не робей, оботрется.

Пока вокруг судачили, Григорий вновь подошел к коню, смело потрепал его по шее и вскочил в седло. Конь не сдвинулся с места. Тогда Григорий достал из-за голенища плетку и хлестнул ею по крупу. Вороной взвился на дыбы, тряхнул головой и, пробиваясь через людское кольцо, победно заржал и поскакал прочь.

Толпа загудела, заволновалась. Десяток всадников понеслись по равнине, растянувшись цепочкой, пытаясь догнать коня. Однако никому не удалось настичь вороного. Вытянувшись в струну, он мчался ровным наметом.

Черная грива его, как крылья, играла под ветром. По одному, по двое, на взмыленных лошадях верховые возвращались обратно.

– Вот это конь! – слышалось в толпе.

– Скаун золотой, святая правда, – подтверждали разгоряченные всадники.

А жеребец, почувствовав силу в руке, державшей повод, показал все, на что был способен. Они несколько раз обскакали станицу, пролетели по обрыву над Малкой, которая делала здесь крутой поворот, а вороной все скакал, не зная устали. И с каждым часом он становился все покорнее. Когда Григорий решил, что пора возвращаться к базару, и направил туда коня, он почувствовал, что лошадь ему повинуется. Солнце теперь светило казаку в спину, согревая его тело и сердце, наполненное ликованием и смутным ожиданием перемен, которые непременно должны произойти в его судьбе.

Они остановились. С боков коня падала пена, он стоял статный, разгоряченный в облаке пара, струившегося на солнце от мокрой шерсти. Но в темных глазах коня уже не было ярости и протеста.

Григорий слез с седла, взял в руки лошадиную морду и поцеловал в лоб, где красовалось лучистое белое пятно.

Назад они возвращались уже в полдень. Солнце припекало. Вокруг парило. Переправившись обратно через Малку, атаман, посмотрев в сторону Эльбруса, заметил:

– Кажется, гроза приближается.

– Где, где? – в один голос спросили братья.

– Да вот она идет, находит, – указал он на показавшуюся тучу. Туча появлялась с гор тихо, беззвучно, как далекая, темная тень. От нее стало веять прохладой.

– Не с градом ли? Что-то холодит, – встревоженно спросил Егор у отца.

– С градом ли, с бурей ли, будет нехорошо.

Туча стала быстро сгущаться, расти, клубиться. На ней начали возникать какие-то седые башни, черные трубы с дымными кольцами. Вдруг она забормотала глухо и грозно.

– Надо поторопиться, а то застанет, – предупредил атаман. И они пустили лошадей в намет.

Туча глухо, предостерегающе заворчала, напомнив о себе. Солнце еще не зашло, но туча стала его заслонять, и вокруг быстро стало темнеть. Сверкнула молния. Предшествуя грозе, налетел ветер. Он пригибал к земле траву, цветы, расшевелил деревья. Терек, к которому они вскоре подъехали, вспенился, отражая отблески молний. Раздался треск грома. Один, другой... Сильные порывы завихрили все вокруг, да так, что стало трудно двигаться. Но это продолжалось до тех пор, пока не полил дождь. Ветер сразу стих, как будто ему намочили крылья. Дождь хлынул прямой, ливневый. Казаки сразу же промокли, но хода не сбавили. Небольшая речушка Деменюк вместо ручья теперь бушевала рыжим пенным потоком. Он нес траву, кустарник, вырванный с корнем, солому, какие-то доски. Егор сходу попытался перескочить бурлящую речушку, но отец придержал его.

– Стой, сынок, не торопись – берега сейчас коварны. Смотри, с каким шипением они погружаются в пенную воду.

И действительно, обваливающиеся берега словно предостерегали их. Они отъехали в сторону и, найдя более мелкое место, проскочили речку.

– Ну, вот мы и дома! – в сердцах произнес атаман, когда они, выстроясь в цепочку, въезжали в станицу.

А дождь лил, не переставая. Сверкали молнии, сгущая тьму...

Глава III

В радостном, но беспокойном ожидании летели дни в станице. В конце месяца горными потоками опять вздуло Терек, и потонули его берега. Лес по-над станицей залило как никогда. Казалось, вот-вот и верхушки потонут. Но это продолжалось недолго. Вскоре разлив спал. Из воды то тут, то там торчали кусты, куги, коряги, стволы деревьев. А по-над берегом стали просматриваться зеленые полянки, жадно ловившие солнечное тепло после долгого пребывания под водой.

В эти дни освобожденный от службы Григорий, закончив дома хозяйственные дела, уходил на реку. Он садился на ствол поваленной ивы, у кромки песка, полого уходившего под воду, и предавался размышлениям. Сухой, ободранный ствол, на котором он сидел, поблескивал на солнце, будто отлит из металла. Глядя на него, Григорий вспоминал: эта ива когда-то была любимым местом его свиданий с Машей. Она надежно прикрывала их от посторонних глаз. Она росла на самом краю Терека, и ее ветви свисали до самого берега. Идя на свидание, он поднимался к иве по пригорку от реки, а Маша спускалась туда по заросшей давней тропинке, протоптанной конями. Бывало, разлученные на много дней, истомленные тревожным и нетерпеливым ожиданием, они стремительно обнимались под этим деревом и, безотчетно поддаваясь обоюдному влечению, целовались. Лунный свет падал на их сближенные лица и радостно терялся в сумеречной темноте. Положив беспокойную руку на ее крепкое горячее плечо, он рассказывал ей о службе, о домашних делах. Однажды он упомянул о том, что отец намекнул о женитьбе.

– Ну, и женись, Гриша, станешь семейным, – тихо тогда сказала Маша и запнулась.

– На ком? На тебе, да? Ты как... – только и успел проговорить он ей. Маша не дала ему договорить. Она прильнула к нему губами, без робости падая на мягкий ковылек, и с тихим радостным удивлением ответила:

– А на ком же еще? Ты давно мой!

– О чем вопрос, Машенька! Я тоже давно решил.

Он попытался расстегнуть ей кофточку, но она резко отдернула его руку и протестующе сказала:

– Не смей трогать, я глупая, а ты? – И она всхлипнула. У него тогда сжалось сердце горячим комочком. Он осторожно обнял ее, а она, притихшая, не отстранилась, но потребовала:

– Гриша, скажи своим, пусть присылают сватов.

– Обязательно скажу, родная, – взяв ее за руки, пообещал он.

А в это время бледно-розовый осколок луны, повисшей над Терекком, заслонила набежавшая из-за гор тучка и прикрыла шелестящую иву легкой, дрожащей на свету тенью. Неожиданно смолкла трель сверчков. Налетел горный ветерок и хлопотно качнул верхушки деревьев. А они, забыв обо всем на свете, сидели рядышком и целовались еще горячее, чем накануне. Маша в тот вечер ушла первой, взяв с него слово, что он пойдет следом за ней и непременно расскажет о своих намерениях отцу. Свою же мать она еще утром посвятила в эту задумку.

– А я давно мечтаю выдать тебя замуж, – сказала ей мать.

– Почему, мам, торопишься, думаешь, никто не возьмет такую? – спросила Маша.

– Ну, не совсем так, если нашелся женишок, – улыбаясь, отвечала ей мать.

– А ты не смейся, – с обидой проговорила Маша, – вот уйду к мужу, и будешь плакать.

– Да, это верно, доченька, – уже серьезно ответила мать, глядя ее по голове.

Маша бурно расцеловала ее и принялась хлопотать по дому.

«Вскоре у них действительно были сваты. А потом была свадьба», – вспоминал Григорий.

Мелкий ивнячок подступал зарослями к самой воде и скрывал его от берега. Вода круто огибала песчаный мыс и вековым однообразием наваливалась тяжелой стремниной на распо-

ложенный ниже обрывистый берег. Терек перед ним был во всей своей красе. Григорию приятно было глядеть на выпуклую, как ему чудилось, реку, которая со змеиным шипением наползала на него из-за песчаного мыса, заворачивая таинственным движением своего гибкого тела.

От реки несло прохладой. Тихие всплески рыбы рождали в серо-пенистых отражениях магниевые вспышки, которые, серебристо расширяясь, плыли по поверхности, чтобы вновь появиться. Темный сом вольно подплыл к берегу, а затем, развернувшись, медленно ушел на глубину. «На ночь надо забросить крючки, глядишь, и сядет», – подумал Григорий, но тут подошли друзья, с кем предстояло ехать в Конвой.

– Не съездить ли нам на рыбалку? – обратился к Григорию один из них.

– Сейчас самое время, рыба прямо играет, – ответил Григорий.

– Давайте завтра, – вступил в разговор второй подошедший.

На том и порешили. Разговор продолжился. И надо было видеть лица товарищей, гордых за то, что им предстоит служить в Конвое Его Императорского Величества, хотя души всех их бередили одни и те же думы: «Скоро расставаться с родной стороной». Думы, думы, как трудно бывает управлять вами. Даже самый волевой человек далеко не всегда в состоянии подчинить себе их течение, как часть, вырвавшись из-под контроля его разума, вы, словно потоки талой воды, растекаетесь вширь, дробясь на отдельные ручейки, не всегда понятные в своем течении. И не успевает разум погнаться за одним из этих ручейков, как рядом появляется второй и третий, и порой уже невозможно бывает оценить тобою же порожденные мечты, надежды, ожидания...

На следующий день, загрузив в каюк⁴ рыбацкие снасти, друзья двинулись по Тереку. Разлившаяся река казалась безбрежной. Она была залита солнечным сиянием, раздробившимся огнем и серебром на легкой ряби. Ветерок и дыхание холодной воды умеряли жгучую ласку солнца, но не приглушали радостные весенние голоса и звон проснувшейся природы.

Остановились в устье речушки, впадающей в Терек, среди нерубленого леса, населенного фазанами, рябчиками и мишками, осторожно издали принимающимися к пришельцам, среди первозданной тишины и дивного запаха неоглядной лесной пустыни. Вытащили каюк на берег и стали осматриваться.

– Эгей, Алексей! – позвал Григорий своего друга Гевлю, первым вернувшись к берегу.

Тот откликнулся совсем рядом из-за камыша:

– Не шуми! – И тотчас, хлюпая по воде, выбрался на берег.

– А рыбы здесь уйма, скажи, Тимофей? – обратился он к товарищу, который выбирался следом.

– Посмотрел – так и плещется, – ответил тот.

Поставив в протоке сети, казаки несколько раз поднимали их, выбирали рыбу и снова ставили на место. Так незаметно пробежал день. Небо, закрытое спустившимися к вечеру тучами, начало темнеть. Но вода в реке продолжала еще долго отсвечивать, отражая невидимые для казаков последние отблески зари.

– Разводи костер, – сказал Скорику Григорий, а сам с Гевлей стал чинить растянутую на поляне сеть. Тимофей быстро исполнил задание. И вот они сидят у костра, над которым в котелке варится уха, и ведут разговор.

– Ну что, батя не говорит, когда нам отправляться? – спросили Григория.

– Пока нет, но, видно, скоро, – ответил тот. – Быстрее бы. – И стал рассказывать про службу в Конвое, что поведал им с Егором отец. Потом пошли еще разговоры.

---

⁴ Каюк – лодка для переправы через Терек (мест.).

– Что-то Шамиль опять воспрял духом, – вспомнив недавний разговор с отцом, стал рассказывать Григорий. – Пытался проникнуть в Грузию, а сейчас вроде бы поручил одному из своих наибов прервать сообщение Владикавказа со Ставрополем.

– Как бы здесь не запыхало, – помешивая уху, сказал Скорик. – Кто-то их науськивает.

– Приказано и нам усилить бдительность, – вступил в разговор Гевля. – Послали наших на днях в дозор. Подобрались они к берегу, глядь, а в камышах лодка, у воды люди. Разговаривают, показывают что-то за реку. Это были наши разведчики, которых посылали на ту сторону выведать, не готовятся ли абреки к нападению. Но наши же не знают.

– Эй, вы, у лодки! Стоять! – кричат они. Один из разведчиков так поспешно прыгает в лодку, что она зачерпывает воду.

– Да свои мы, свои, – отвечает раньше всех пришедший в себя усатый казак. – На той стороне были. – Он выждал с минуту, потом, держа в одной руке винтовку, а другой держась за камыш, стал подниматься на берег.

– А это был Терентьевич – наш станичник, – завершил рассказ Гевля.

А природа жила своей жизнью. На реке вдруг сильно и неожиданно плеснулся крупный осетр, а в береговых зарослях раздался треск – это пробирались на водопой кабаны.

Лес вокруг притаился, словно прислушиваясь к звукам, изредка нарушавшим тишину.

Ели уху не торопясь. Потом Григорий долго лежал на шелковистой прохладной траве, заложив руки за голову. Далеко в вышине мерцали звезды. Ближе к полуночи над Тереком стало обозначаться смутное зарево – всходил мгlistый месяц. По деревьям прошумел короткий порыв ветра. Григорий слышал, что Гевля и Скорик еще не спят, но окликать их не стал, а встал и пошел на речку. Под берегом мягко плескались крохотные волны, тучки, закрывавшие месяц, таяли и разбегались.

– Давайте ложиться спать, – обратился Григорий к друзьям, возвратившись к костру. – Рыба всю гуляет, вода, должно быть, прибывает шибко. Сети придется поднимать до света.

В это время над костром пролетела какая-то невидимая птица. По-над берегом опять послышалась возня, наверное, к воде опять шло стадо кабанов. Шуршали листья, с треском рвались мелкие корешки – это клыкастые, наверное, копались в земле или искали прошлогодние желуди. По воде явственно доносился шорох и треск, и даже казалось, что кто-то отфыркивается.

Рыбы под утро друзья поймали еще больше, чем накануне, хотя одна сеть, вероятно, из-за подъема воды, оказалась сбитой с места.

А когда солнце встало, они плыли домой. Оставались считанные дни до отъезда их на службу в Петербург. Их это и радовало, и в то же время томило неизвестностью.

Глава IV

В столицу колонна выезжала из Прохладной. Шум, говор, голоса провожающих соединились со звуком сигнальной трубы и дробным боем барабана. И под этот шум конный строй, растягиваясь, медленно выходил на дорогу. Впереди ехали верховые казаки, по-домашнему, совсем как у себя в станице, шумно и бранчливо спорившие о чем-то. Дальше шли брички с кухонным снарядами и поварами. За ними двигались крытые фургоны, нагруженные мукой, крупой, мясом, вином и прочей снедью, а за ними снова верховые казаки.

Офицер конвоя, осматривающий колонну, на рысях обогнал хозяйственную часть и, поднимая пыль, исчез впереди. У выезда из станицы стояли последние провожатые, среди которых были офицеры и писари из Владикавказа, свободные от службы казаки и родственники отъезжающих казаков из близлежащих станиц. Одни с грустью, другие с завистью смотрели на уезжающих в Петербург казаков. А те, последний раз помахав рукой провожающим и мысленно простившись с родной стороной, уже обозревали местность и смотрели вперед, где прямо перед ними простиралась дорога, конца которой не ведал никто. Раздалась песня:

*Венценосец наш Державный!
Мы спешим к тебе с мольбой
И к престолу предков славных
Льнем покорной головой!*

Вряд ли кто в колонне представлял, что, выехав в этот теплый весенний день, они пробудут в пути до летней жары. Тянулись дни, недели, месяцы. Проехали Тихорецкую, затем были Ростов, Воронеж, Орел, Тула. А за Тулой была Москва. Широкий почтовый тракт возвестил им о приближении Первопрестольной. По бокам потянулся зеленый лес, красивый и, как они говорили промеж себя, весь в шумах ветреных. Изменился облик крестьян, встречающихся на пути: подмосковные мужики, выходившие посмотреть на казаков, были в высоких шапках, у кого-то лапти новые, а онучи обвязаны лыковыми мочалами.

Колонна, поднявшись по подъему, выехала на вершину холма, и перед казаками открылась Москва. Они спешили, помолились и стали рассматривать город. Москва как на ладони. В мареве. А в нем золотые искры крестов и куполов. Рядом веяло душистой свежестью, Москвой-рекой, раздольем далее – чем-то привольным. Григорий заворожено смотрел на Москву и внимательно слушал офицера конвоя, который, показывая рукой, рассказывал:

– Вон там Донской монастырь, розовый. А вон Казанская, а то Данилов, Симонов.

Казаки слушают, вертя головами, а офицер продолжает:

– А Кремль-то, ах, хорош! Правда, – и декламирует лермонтовское четырехстишие:

*Москва! Москва! Люблю тебя, как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седи
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.*

Казаки притихли, любуясь Москвой. А она светилась в туманце широкая, покойная, удивляя множеством башен и изобилием церковных куполов. Почему-то вспомнились слова из песни о знаменитом Степане Разине:

*Ты прости, народ московский!
Ты прости-прощай, Москва...*

*И скатилась с плеч казацких
Удалая голова...*

У Григория даже слезы навернулись на глаза. Он вспомнил, как пели эту песню старые казаки, и ему уже тогда представлялась вот такая же картина, как Разин поклонился на все четыре стороны, и вот это: «И скатилась с плеч казацких». За этими словами слышится даже удар топора о плаху... Григорию представилось, как везут Разина по улице, как бежит и мечется народ по площади, как он поднимается и выходит на помост. Как поклонился и... Ты прости, народ московский! Ты прости-прощай, Москва! Все притихли. Каждый думал, что сравнить с этим Кремлем, который, окружаясь зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки.

Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни соборов, ни пышных дворцов его описать невозможно. Надо видеть, видеть... надо чувствовать все, что они говорят сердцу и воображению!

Где-то над рощами слышался вороний грей, а впереди далеко-далеко, за городом, снова проступали синеватые дебри Подмосковья, где казаки-конвойцы вскоре выедут, чтобы продолжать путь к столице.

...Было раннее свежее утро, когда колонна казаков-конвойцев подъехала к Аничковой заставе Санкт-Петербурга.

– Кто такие? Куда едете? – спросили двое стражников, выйдя за шлагбаум.

– Терцы мы! В Конвой Его Императорского Величества едем, служить! – ответили сразу несколько казаков.

Вышел дежурный офицер и, переговорив со старшим колонны, крикнул:

– Открывай!

И шлагбаум открыли.

Цокали копыта лошадей по булыжной мостовой. Григорий с волнением разглядывал город. «Вот, это столица! Как здесь все внушительно и величаво», – думал он. Сидя в седле прямо, как и всякий опытный наездник, он задумчиво посматривал вперед. Улица прямая и ровная вела их к цели. Конь, будто угадывая, что хозяин о чем-то задумался, ступал медленно, а один раз даже остановился в нерешительности. Это произошло против собора, из открытых дверей которого доносилось на улицу величавое церковное пение.

– Боже ты мой! – вспомнил Григорий. – Да сегодня же праздник – Преображение, как говорили в станице – Спас. В этот день мать, беря его в церковь, говорила:

– Помни, сынок, три у нас Спаса. Первый – медовый, значит, лету конец. Второй Спас – яблочный. Спас – Преображение, яблоки светят. Третий Спас – орешный, орехи поспевают после Успенья.

Преображение Господне... Ласковый, тихий свет от него в душе – доньне. Должно быть, от утреннего сада, от светлого голубого неба, от ворохов соломы, от яблок, хоронящихся в зелени, в которой уже желтеют отдельные листочки. Ясный, голубоватый день, не жарко, август. Григорий вспоминает, как ожидали крестный хор, а потом начиналось освящение. Священник в необыкновенной ризе читал над яблоками молитву и начинал их окроплять. Так встряхивал венником, что брызги летели, как серебро, сверкая тут и там...

Он тронул каблуком остановившегося коня, и жеребец с очень стройными ногами гордо двинулся дальше. Продолжали цокать копыта, удаляя всадников от места, заставившего дрогнуть сердца.

На одном из перекрестков они повернули и вскоре остановились у подворья. Коновязи, лошади одинаковых мастей и казаки: кубанцы и свои – терцы. Забились вновь казачьи сердца, что-то знакомое и привычное прошлось по душе.

Из подворья, обнесенного забором и разделенного каменными тумбами, вышел офицер.

– Приехали, дорогие! – восторженно поприветствовал он их. – Рады видеть вас, а мы уже заждались. – Он снял папаху и перекрестился.

Казачи спешились и тоже перекрестились.

– С прибытием, – еще раз обратился к ним офицер, – извините, что не встречаем торжественно, служба! – И он обнялся с офицером, сопровождавшим новобранцев.

Терцев окружили свободные от службы казаки-конвойцы, и начались расспросы...

Глава V

Петербург не дал казакам расслабления. Уже через месяц, освоившись, они приступили к несению службы.

Стоя на часах⁵, Григорий все чаще и чаще стал слышать от придворных о возможной войне с Турцией.

– Давно их надо проучить, – говорил один чиновник какому-то генералу, на что последний отвечал:

– Еще бы подождать, не готовы мы.

– Подготовку надо ускорить, – говорил все тот же чиновник. – Царь не случайно посылал наше посольство в Константинополь. Ментиков обязательно раздует конфликт.

– Но это уже зависит не от нас, – отвечал генерал.

Григорию вспомнился разговор с отцом перед отправкой в Конвой.

– Чувствует мое сердце, что обманчиво нынешнее спокойствие, – говорил он. – Как бы не пришла беда!

– Да что может произойти? – запальчиво спросил тогда Григорий. – Нас Государь призвал к себе по очереди, и о какой-либо угрозе никто не ведает.

– Это так, сынок, – отвечал отец. – Но все эти посольства в Константинополь, частые поездки здесь, на юге, не случайны. Как бы к осени не разгорелось!

– Да кто нам может угрожать? – уже раздраженно спросил Григорий.

– Южный сосед, – просто ответил отец. – Чувствуют они чью-то поддержку, вот и нахальничают.

– Турция, что ли? Так мы ей уже не раз преподавали урок, – продолжал Григорий, – думаю, она не сунется.

– Дай-то Бог, – тихо сказал тогда отец, обнимая его за плечи.

А дело обстояло следующим образом. В середине XIX века узловым вопросом международных отношений стал «восточный вопрос». Он возник в связи с тем, что экономические интересы европейских стран, в первую очередь Англии, Франции, России и Австрии, сталкивались в поисках новых владений на Балканском полуострове и в Передней Азии, где им противостояла слабеющая Османская империя. Передовые страны Европы стремились к разделу турецких владений и самой Турции в целях расширения рынков сбыта.

Россия издавна была связана с братскими народами Балкан, поэтому влияние в балканских землях считалось одной из основных внешнеполитических задач. Кроме того, России также нужны были рынки Ближнего и Среднего Востока, откуда ее за последнее десятилетие все более энергично вытесняли англичане и французы. России нужно было получить свободный, обеспеченный силой оружия выход судов с хлебом через проливы Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Поэтому в голове русского императора Николая I все более зрела идея ликвидации Турецкой империи и утверждение российского щита на берегах Босфора и Дарданелл.

Турецкое правительство, шедшее на поводу у английских и французских дипломатов, само было настроено против России. Оно жило идеями реванша за неудачи, испытанные в войнах с Россией, вынашивая планы возвращения Кавказа, Крыма, берегов Черного и Азовского морей.

Английские и французские дипломаты всячески способствовали разжиганию конфликта между турецким правительством и русским царем, подталкивая султана на войну против Рос-

---

⁵ Стоять на часах – быть в карауле. – Прим. авт.

сии, обещая ему вооруженную и иную помощь. В случае такой войны Англия могла обнажить меч под благородным предлогом «защиты» слабой Турции от сильного царя и тем выиграть в общественном мнении Европы, чтобы легче было сколотить антирусскую коалицию. Этим замыслам английского правительства, как никогда, благоприятствовала внутренняя обстановка во Франции. Вступивший путем авантюры на французский престол Наполеон III искал способы погасить ненависть народа к установленной им контрреволюционной диктатуре крупной буржуазии. Наилучший способ он видел в победоносной войне против какого-либо из двух сильнейших виновников поражения Наполеона I – России или Англии. Обстановка складывалась так, что можно было найти даже поддержку одного из них – Англии в войне против другого – России.

Английская и французская дипломатия, провоцируя войну между Россией и Турцией, усиленно разжигала в 1850–1852 годах спор вокруг «святых мест» в Палестине. Со времен Крестовых походов христианские церкви в Иерусалиме («святые места») находились под покровительством папы Римского и Константинопольского православного патриарха. С XVI века «ключи» от этих «святых мест» хранило католическое духовенство Иерусалима, но в XVIII веке они перешли к православному духовенству, имевшему мощную поддержку в лице царской России.

За ширмой этого спора скрывалась борьба России и Франции за влияние в делах Турции и Ближнего Востока вообще. Дипломатические агенты Наполеона III при полной поддержке английского посла в конце концов добились от турецкого султана отмены привилегий, которыми пользовалась православная церковь в «святых местах», в пользу католической церкви.

С этим никак не мог смириться Николай I. Он направляет в Константинополь чрезвычайное посольство во главе со своим фаворитом, князем А. С. Меншиковым, который был в то время начальником штаба Морского ведомства, и поручает ему предъявить султану решительное требование о «святых местах» и о праве опеки царя над православным населением Турецкой империи. Английские и французские дипломаты, по секрету заключив между собой сделку о единстве действий, всячески домогались обострения разгоравшегося конфликта. И это им удавалось, потому что и сам Меншиков не старался улаживать конфликт. Ему было доподлинно известно, что царь замыслил напасть на Босфор и его – своего фаворита, отличавшегося хорошей способностью угадывать державную волю, послал в Константинополь только за тем, чтобы создать предлог для нападения. Английский и французский послы в Константинополе больше всего боялись, как бы между султаном и чрезвычайным послом Николая не уладилось все мирно, а Меншиков сам старался не допустить того же, заботясь только о том, чтобы виновником конфликта стала Турция.

Переговоры закончились дипломатическим разрывом. Но в это время оставляется и мысль о Босфорской экспедиции, так как, будучи в Константинополе, Меншиков сильно усомнился в ее реальности. Ясно было, что больше двух дивизий одновременно Черноморский флот не сможет доставить к Босфору, а как же эти две дивизии справятся со 100-тысячной турецкой армией? Они попросту будут разбиты или взяты в плен. Меншиков донес о своих соображениях Николаю, и авантюристический план нападения на Босфор был похоронен. Но это вовсе не означало отказа от войны. На смену старому плану пришел новый, подсказанный Николаю его наставником по военной части фельдмаршалом Паскевичем: занять сухопутными войсками приданайские княжества – Молдавию и Валахию, находившиеся под властью Турции, потребовать от султана уступок в «восточном вопросе». Если же он не будет уступчив, «признанием независимости княжеств положить начало разрушению Оттоманской империи».

Глава VI

Как представлял перспективу грядущей войны царь, в терских станицах было неизвестно. А пущенное в ход колесо войны между тем вертелось. Царь направил 80-тысячную армию под командованием генерала М. Д. Горчакова для оккупации Молдавии и Валахии и отдал приказание начать подготовку к наступлению в Закавказье, в первую очередь на турецкие крепости Карс и Баязет. Однако основные силы Отдельного Кавказского корпуса увязли в борьбе с горцами. Умный и ловкий, с железным характером и безграничным властолюбием, Шамиль, сумевший подчинить своей власти значительную часть горцев, вот уже двадцать лет вел их на борьбу с Россией. С переменным успехом велась эта упорная борьба, в пылу которой с обеих сторон проливались потоки крови, разорялись крепости и станицы, гибли в пламени аулы и хутора.

В то время, когда в Тифлисе и Петербурге строились планы покорения горцев, Шамиль наводил порядок среди подчинившихся ему народов. Вся территория была разделена им на наибства (округа), во главе которых стояли наибы – доверенные лица имама. Наиб был начальником пяти участков, составлявших провинцию. Он пользовался духовной и гражданской властью. Наибство содержало триста всадников. Все мужчины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет были обязаны военной службой. Призывавшиеся ополченцы делились на десятки, сотни и полутысячи. Шамилем был установлен собиравшийся с населения подоходный налог. Каждый крестьянин обязан был вносить в казну натуральный сбор по шесть мер с каждых пятидесяти мер собранного зерна, по одной овце с каждой сотни овец, а кроме того еще платить подать за пользование пастбищами. Снабжение продовольствием и огнестрельным оружием было поставлено у Шамиля настолько хорошо, что он мог выставлять для боевых действий отряды численностью двадцать тысяч человек. Он устроил в горах выделку холодного и огнестрельного оружия. Начал отливать собственные пушки и ядра, а в Ведено, Унцукуле и Гунибе он устроил пороховые заводы. Обосновавшись в Северном Дагестане, он совершал набеги на подвластные русским селения, крепости, станицы. Кавказский корпус был вынужден отвлекать огромные силы для охраны и защиты гарнизонов и поселений. В связи с этим и командующему корпусом князю Воронцову, и Николаю I, и военному министру приходилось всерьез думать, откуда же набрать силы для прикрытия кавказско-турецкой границы.

– Я могу выделить для границы шесть с половиной батальонов пехоты, четыре сотни казаков, четырнадцать орудий и пять эскадронов драгунского полка, – доносил Воронцов.

В то же время царю доносили, что турецкое командование сосредоточило у границ огромную армию, численность которой намеревалось довести до пятидесяти тысяч человек.

Царь и военное командование понимали, что если снять с кавказских крепостей и укреплений войск в большем количестве, чем находил возможным Воронцов, то можно потерять весь Кавказ.

После долгих раздумий было решено перевести на Кавказ, и как можно быстрее, 13-ю пехотную дивизию, предназначенную раньше для Босфорской экспедиции и расположенную в Севастополе. Были отданы распоряжения о повышении бдительности и боеготовности в войсках корпуса и в казачьих станицах.

Получив известие о том, что Шамиль готовится к нападениям, атаман Федор Кульбака собрал станичное правление.

– Казаки! – обратился атаман к присутствующим. – Поступило сообщение, что Шамиль готовится к новому походу. Как бы к нам не нагрянули его нукеры!

– Не иначе, опять хочет напасть на Военно-Грузинскую дорогу, – сказал кто-то из стариков.

– Да, да, это как в прошлый раз, попытаются нарушить сообщение Тифлиса со Ставрополем, – послышалось в ответ.

– Кто же это их науськивает? Ну, никак не хотят спокойно жить.

– Что будем делать, казаки? – спросил атаман. – Караулы я уже усилил, наладил связь с соседними станицами, а что еще?

– Надо съездить к кунакам в аул, послушать, что они скажут по этому поводу, – предложил кто-то.

– Добре, я думаю, что это будет нелишне, – ответил атаман и объявил, кто завтра поедет с ним за Терек.

Выехали утром. С Терского хребта быстро напознал туман и застилал пространство белесой пеленой. В его клубящемся мареве то скрывались, то появлялись горы и окраина аула Азапшей, в который ехали атаман с сыном и десяток казаков.

Перебравшись через Терек, оглянулись. Станичная церковь прощально перебиралась сзади по небу своими куполами, в лицо дул свежий ветерок. Сытые лошади с охоткой трусили по дороге. Настроение приподнятое. Всякий раз, когда млеет душа к оставленной позади вольной округе, хочется запеть что-нибудь казачье, былинное. И казаки запели:

*Дремлет знойная степь... Вон, обоз
казаков
Протянулся как цепь по вершинам
холмов,
Что за пыль там взвилась в стороне
далеко
И столбом поднялась к небесам высоко?
Ближе, ближе... И вот на вспененных
конях
Мнится туна людей с яркой злобой
в очах.
И свернули в кружок свой обоз казаки,
И защелкал курок, засверкали клинки...*

В аул въехали, когда туман совсем разошелся. Из мечети, мимо которой они проезжали, глухо доносился молитвенный речитатив муллы. Навстречу шли двое горцев. Один из них тянул на веревке отчаянно упировавшегося белого барашка, нахлестывая его хворостиной, другой что-то приговаривал.

– Недаром говорят: упрям, как баран, – заметил атаман, указывая на упрямявшееся животное.

– Метко замечено, – поддержал кто-то из казаков.

– Куда это они его? – спросил Егор.

– Сегодня пятничный намаз, наверное, помянуть святого пророка или в благодарность за милость или радость, – отвечал атаман, но кто-то переспросил:

– Как это?

– Может, родила жена джигиту сына, может, еще чего, вот он на радостях и готов слово сказать аллаха. А для этого нужен подарок.

– Немало подарков, наверное, огребают мулла, – сказал Егор, на что атаман ответил:

– Не бери греха на душу, – и тронул коня.

В это время из мечети стали выходить верующие.

– Салам алейкум, Федор, – приветствовал атамана один из них.

– Алейкум салам, – ответил на приветствие атаман своему кунаку Джамболату и спешил. Дальше они пошли пешком и, соблюдая все правила этикета, говорили, как положено, о домашних делах, о новостях в станице, в ауле. Федор поделился с кунаком радостью, что его сын Григорий уехал в столицу, с чем тот не преминул его поздравить. А потом уже во дворе Джамболата Федор рассказал ему о цели своего приезда.

– Шамиль хочет, чтобы Кабарда присоединилась к его движению, – сообщил кунак. – Но у кабардинцев нет единого мнения по этому вопросу, мы не хотим воевать с русскими. – И он рассказал вкратце о встрече с Шамилем, на которой недавно был.

– Шамиля больше всего тревожит, что не все горцы привержены исламу и всем установлениям шариата, его печалит, что им гораздо ближе адаты – обычаи и правила предков, – рассказывал кунак. – Покойный Кази-Мухаммед твердо внушил ему, что только посредством шариата и мюридизма – беспрекословного послушания всех джигитов мюриду-имаму – возможно духовное, нравственное и политическое возрождение горцев, которое, по его убеждению, приведет к освобождению от русского владычества.

– Шамиль поставил себе задачу заставить всех горцев признать ислам и шариат, – продолжал кунак. – И он убежден, что для этого нужна железная рука.

– Где нет страха, там нет послушания, а где нет послушания, там нет и порядка, – любит он вспоминать древнее изречение Востока.

– А больше всего он недоволен кабардинскими князьями, – продолжал кунак, – говорит, в Кабарде среди князей очень много пройдох, у русской печки греются.

– Это он так говорит, потому что вы ему не подчиняетесь, – потерев бороду, сказал атаман.

– Это точно! – подтвердил Джамболат. – Он так и говорил: «Если не будут подчиняться князья – народы тоже не станут подчиняться. А вы заключили русских в свои объятия, едва они успели прийти на Терек».

– А ты не знаешь, Джамболат, намеревается ли Шамиль напасть на Военно-Грузинскую дорогу? – спросил атаман кунака.

– Вот этого я сказать не могу, – ответил Джамболат, – не знаю. Шамиль своими планами со всеми не делится. Хотя, призывая князей к объединению, он намекал о подготовке какого-то дела. Он так и сказал: «С помощью Аллаха начатое дело да сбудется! Тем, кто нас в этом поддержит, мы отплатим сторицей». А вот от других я слышал, – Джамболат перешел на шепот, – турецкий Омар-паша якобы предложил Шамилю соединиться с ним. А что это значит, я не знаю.

Уже на следующий день полученные сведения атаман сообщил во Владикавказ, а оттуда в Тифлис. Шамиль действительно выступил с пятнадцатитысячным отрядом и остановился в Карате, затем дошел до Цунта и оттуда послал своего сына Кази-Магома с семью тысячами войска в Грузию через Алазань на Цинандали, где взяли в плен княгиню Чавчавадзе и Орбелиани. На обратном пути Кази-Магом, увидев, что переправа через Алазань занята русскими войсками, отступил. Дагестанский же отряд под командованием князя Аргутинского, совершив переход с высот Турги-Дага на Лезгинскую линию, перейдя пять снеговых перевалов, освободил Мессельдегерское укрепление и вынудил Шамиля бежать на Ириб.

Глава VII

Внешние успехи николаевской политики в конце 40-х годов XIX века казались значительными. Но его тревожил призрак возрождающегося наполеоновского империализма, разрушительного для всей системы «равновесия» в Европе. Российское правительство сильно преувеличивало и слишком долго недооценивало результаты переворота, упразднившего республику в пользу империи Наполеона III. Признать его, конечно, пришлось вслед за всеми державами. Николай только дразнил Наполеона, а себя тешил тем, что не хотел называть его «братом» своего самодержавия и называл «другом» или «кузеном». Мнимая видимость все чаще закрывала для него и скрывала от него реальный смысл действительных отношений.

А этот реальный смысл был в нарастающей изоляции России. Державы крайнего Запада, Франция и Англия, были определенно враждебны и крайне недоверчивы к нему. Замкнувшись в себе и решительно противопоставляя себя Западной Европе, николаевская Россия все настойчивее развертывает свой особый империализм на Востоке. Она ставит русские интересы на Востоке в резкое противоречие с устремлениями Англии, а затем и Франции к экономическому господству в азиатских странах. Обостряются международные конфликты на почве Ближнего Востока. Тут николаевское правительство проводило с настойчивой последовательностью тенденцию преобладания России, трактуя Турцию как страну внеевропейскую, а потому стоящую вне «европейского концерта», и отстаивало право России сводить свои счета с нею вне воздействия западных держав.

Ослабление власти Османской Порты над подчиненными ей областями казалось Николаю признаком близкого распада Турции.

Он был уверен, что с Англией можно сговориться, достаточно разграничить сферы влияния. Он дважды, в 1844 г. при посещении Лондона и в 1853 г. в беседе с английским послом в Петербурге, лично обсуждал возможности раздела Турции.

Николай, живший в мире династической мифологии, по выражению его немецкого биографа, приписывал, в своем державном самосознании, решающее значение в ходе политических событий личным отношениям, взглядам и предположениям правящих лиц, смешивая иной раз значение формальных международных обязательств и личных бесед или писем, какими обменивались власть имущие. Технику международных отношений он представлял в форме личных сношений и отношений между государями, непосредственно или через уполномоченных ими послов. Он строит существенные заключения и расчеты на прусской дружбе, австрийской благодарности за венгерскую кампанию, на английской благоразумии, к которому обращается в личных переговорах, на плохом понятом самолюбии Наполеона III, которому должно польстили приглашения в Петербург с обещаниями «братского» приема у русского самодержца (что французский император, естественно, понял как обидную бестактность), и т. п. Преувеличивая значение приемов, традиционных в международных сношениях эпохи абсолютизма, Николай дипломатическими иллюзиями отгонял от себя до последней возможности ожидание неизбежного взрыва огромной борьбы... В обманчивом расчете на то, что западные державы в конце концов уступят и не пойдут на решительную борьбу против русского протектората над Турцией и ее христианскими подданными, Николай поставил вопросом ребром о своем притязании на авторитетное покровительство православной церкви в пределах Турецкой империи, т. е. ввиду государственно-правового и административного значения константинопольского патриарха – над всем православным населением Османской Порты. А на объявление войны Турцией 14 октября 1854 г. ответил манифестом, где причиной войны выставил защиту законного права России охранять на Востоке православную веру.

Станица. В воскресный день в церкви, как обычно, шел молебен. Церковный хор пел на клиросах. А батюшка в шитой золотом ризе басил у амвона. Курилась в его руках кадила, на всю церковь пахло ладаном и топленным воском. Горели в подсвечниках свечи, поблескивало золото икон, смотрели на молящихся строгие глаза святых. У амвона стоял атаман с семьей, а вокруг все станичное население. Староста-бородач с блюдом двигался в обход по храму, и по подносу звенели бросаемые в него монеты.

– Пресвятая Богородице, спаси нас, – поет хор, и все в храме крестятся. – Спаси от бед рабы твоя Богородице.

Пылают свечи, густо клубится ладан, звенит кадило, дрожит синеватый воздух. Когда служка подсыпал батюшке в кадило ладан, в церковь вошел посыльный из казачьего правления и что-то сказал на ухо атаману. Тот тут же приказал писарю:

– Пригласи после службы членов правления ко мне.

Вскоре молебен закончился и народ повалил из церкви. Храм затих. В алтаре служки передевали батюшку, стягивая с него ризу. Вернулся староста с блюдом в руках.

А в правлении собирались приглашенные казаки. Атаман Кульбака, высокий, сухонький, в синей черкеске с голубыми отворотами на рукавах, ходил по комнате, заложив руки за спину. Мягкие сапоги делали его шаги бесшумными.

– Казаки! – обратился он к присутствующим. Его голос удивительно не вязался с внешностью. По комнате раздался густой рокошущий баритон.

– Получена депеша из Владикавказа. Сообщают, замечена возня на турецкой границе. Область объявляется на военном положении. Думается мне, как бы не вспыхнула война.

– А мне кажется, это их очередной фарс, – заметил старый казак Скорик. – Пошумят, постреляют на границе, налетят шайкой человек в триста на солдатский пост в четыре человека – и назад. Знаем мы этих вояк.

– Да нет, Дмитрия, ты же знаешь, здесь войны начинаются внезапно, вспомни прежние – персидскую и ту же турецкую, – он повертел в руках присланную бумагу. – Отдан приказ о мобилизации. Нам в двухнедельный срок надо подготовить сотню.

– А куда она пойдет? – спросил кто-то из казаков.

– Первый Владикавказский полк идет в полном составе на турецкую границу, но готовится отряд и в Крымскую армию, – отвечает атаман.

– Ну, что ж, атаман, приказ надо выполнять, – продолжал все тот же старый казак Скорик, поправляя затянутую наборным поясом черкеску – Как гласит завет апостола Петра: «Бога бойтесь, царя чтите и всякой власти от Бога поставленной повинуйтесь».

Упоминание об этом словно солнцем озарило лица казаков. Ведь они сызмальства помнили, что они слуги царя и опора трона. И так из поколения в поколение блюли честь казачью, гордились казачьим званием и грудью становились на защиту Отечества.

– Я думаю, что мы срочно примем меры и, раз это надо, в срок выставим сотню отборных казаков, – вновь обратился к присутствующим атаман.

Казаки молчали, понимая, что атаман после этого скажет что-то важное и к чему-то обязывающее.

– Кармалика! Тебе поручаю возглавить сотню, – обратился атаман к одному из членов правления. – В помощь тебе даю Чечеля и Белобловского, урядников подберете сами, – как о давно решенном сказал он.

– Любо! – раздалось в правлении. Казаки зашумели, кивая головами. А Кульбака покопался в бумагах и добавил:

– А эти казаки пойдут в Крым, к Меншикову, – и зачитал список, в котором был и его сын Егор.

Вскоре станица провожала казаков в Закавказье. Старики, матери и жены шли за ними до южных ворот. Люди пели, плакали, кричали. Казаки стреляли в воздух. Были и пьяные.

«Нам царь-батюшка выдал водку, – кричали они, – а потому мы пьем и других угощаем. Ох, и достанется супостату от нас», – грозились они на турок.

Почти следом ушел отряд и в Крым.

С давних времен так уж повелось, что для казака, по сравнению со многими его занятиями, первым было ратное дело. Словно гранитный утес, непоколебимо и твердо стояло казачество, принимая на свою богатырскую грудь случайность и невзгоды борьбы с врагами России на всех далеких и близких окраинах широкого Российского государства.

В то время, когда на Руси всегда боялись «красной шапки» – солдатского звания, казаки испокон веков считали ратное дело самым честным, святым и привлекательным и первой заботой своей ставили, чтобы «воинским промыслам помешки не было».

Еще задолго до того, как в России была введена всеобщая воинская повинность, казачьи матери говорили детям: «Мы привыкли видеть жертвы за любимого царя», и «Мы уже триста лет царям служили на своих лихих конях, много раз врагов разили, отличались в боях».

Казак, верный слуга государства, всегда (был) готов стать под полковые знамена для защиты своего края и борьбы с врагами России. И эта постоянная готовность жертвовать всем за благо государственное, за честь и корону царскую стяжала казачеству неувядаемую славу и разнесла грозу казачьего имени далеко за пределы нашего Отечества.

Французский генерал Де-Брак, один из лучших кавалерийских офицеров армии Наполеона I, в своей книге «Аванпосты легкой кавалерии», изданной в 1831 г., дает самые лестные отзывы о боевых качествах казаков.

– Казаки, – говорит он, – лучшая легкая кавалерия в Европе, вполне достигшая цели своего назначения. Им свойственны инстинкты волка и лисицы; они привычны к войне и отличаются крепостью тела, а лошади их чрезвычайно выносливы... Если казаки разделяются при отступлении тем больше, чем продолжительны ваши атаки, то не думайте, что они потеряли уверенность и оробели. Нет, этот способ их отступления, способ, чрезвычайно опасный для преследующего неприятеля, которому часто приходится раскаяться в своей смелости. Если же другие европейские войска наскоро собираются при отступлении, то это верный признак их деморализации; тогда нужно сильно насесть на них.

Упомянув о казаках, я указал на них как на совершенный образец, потому что некоторые офицеры, не участвовавшие в войне или участвовавшие в ней не на аванпостах, считают своей обязанностью презрительно отзываться об этой кавалерии, не верьте им!

Спросите всякого настоящего боевого офицера, и он скажет вам, что легкие кавалеристы, которые, подобно казакам, окружают армию бдительной и непроницаемой сетью и, защищая ее, вместе с тем утомляют противника, постоянно наносят удары и лишь редко подвергаются им, прекрасно и вполне удовлетворяют назначению какой бы то ни было легкой кавалерии.

Искони казачество само заботилось о развитии казачьей удали, силы и храбрости. Каждый казак проходил службу в полку и каждому была приписана его станица.

Каждое войско, каждый казачий полк имеет свое знамя (штандарт). На знамени изображается крест – знак веры православной, начальные буквы имени государя (вензель) и государственный герб – двуглавый орел, – показывающие казаку, за кого и за что он обязан сражаться: за веру, царя и Отечество!

Знамя для полка в войске подобно «тельнику», кресту, даваемому христианину при крещении. Как тельник не может быть оценен, продан, куплен или заменен другим, так и знамя не имеет цены, и полк, потерявший знамя, не только теряет свое честное имя, но и сам перестает существовать, а чины его распределяются по другим частям. Ближайшие же защитники знамени расстреливаются.

Поступая на царскую службу, казак приносил присягу. Ну, а как он ее выполнял, сражаясь за веру, царя и Отечество, есть масса славных героических примеров.

Глава VIII

Военные действия турки открыли в ночь на 16 октября, напав на пост святого Николая на Черном море. Несмотря на героическое сопротивление небольшого русского отряда, легшего целиком в неравном бою, укреплением они овладели. Так началась война. В это же время Турция начала свои наступательные действия по всему фронту: 40-тысячная армия двинула к Александрополю и 18-тысячная – к Ахалциху. Командующим Кавказским корпусом вместо Воронцова, который в это время болел, был назначен князь Бебутов, начальником штаба – князь Бяратинский. Сорокатысячному Анатолийскому корпусу мы могли противопоставить всего 14 тысяч человек Александропольского отряда, который лично возглавил князь Бебутов. А Ахалцихский отряд князя Андронникова, численностью семь тысяч человек, готовился к встрече в два с половиной раза сильнеею корпусу Али-паши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.